

Я сжечь ее хотел, колдунью злую.

I

После праздничной обедни прихожане расходились по домам. Иные останавливались в ограде, за белыми каменными стенами, под старыми липами и кленами, и разговаривали. Все принарядились по-праздничному, смотрели друг на друга приветливо, и казалось, что в этом городе живут мирно и дружно. И даже весело. Но все это только казалось.

Гимназический учитель Передонов, стоя в кругу своих приятелей, угрюмо посматривая на них маленькими, заплывшими глазами из-за очков в золотой оправе, говорил им:

— Сама княгиня Волчанская обещала Варе, уж это наверное. Как только, говорит, выйдет за него замуж, так я ему сейчас же и выхлопочу место инспектора.

— Да как же ты на Варваре Дмитриевне женишься? — спросил краснолицый Фаластов. — Ведь она же тебе сестра! Разве новый закон вышел, что и на сестрах венчаться можно?

Все захохотали. Румяное, обыкновенно равнодушное лицо Передонова сделалось свирепым.

— Тройродная... — буркнул он, сердито глядя мимо собеседников.

— Да тебе самому княгиня обещала? — спросил щеголевато одетый, бледный и высокий Рутитов.

— Не мне, а Варе, — ответил Передонов.

— Ну вот, а ты и веришь, — оживленно говорил Рутитов. — Сказать все можно. А ты сам отчего к княгине не явился?

— Пойми, что мы пошли с Варей, да не застали княгини, всего на пять минут опоздали, — рассказывал Передонов, — она в деревню уехала, вернется через три недели, а мне никак нельзя было ждать, сюда надо было ехать к экзаменам.

— Сомнительно что-то, — сказал Рутитов и засмеялся, показывая гниловатые зубы.

Передонов призадумался. Собеседники разошлись. Остался с ним один Рутитов.

— Конечно, — сказал Передонов, — я на всякой могу, на какой захочу. Не одна мне Варвара.

— Само собою, за тебя, Ардальон Борисыч, всякая пойдет, — подтвердил Рутитов.

Они вышли из ограды и медленно проходили по площади, немощеной и пыльной. Передонов сказал:

— Только вот княгиня как же? Она разозлится, если я Варвару брошу.

— Ну, что ж княгиня! — сказал Рутитов. — Тебе с ней не котят крестить. Пусть бы она тебе место сначала дала, — окрутиться успеешь. А то как же так, зря, ничего не видя!

— Это верно... — раздумчиво согласился Передонов.

— Ты так Варваре и скажи, — уговаривал Рутитов. — Сперва место, а то, мол, я так не очень-то верю. Место получишь, а там и венчайся, с кем вздумаешь. Вот ты лучше из моих сестер возьми, — три, любую выбирай. Барышни образованные, умные, без лести сказать, не чета Варваре. Она им в подметки не годится.

— Ну-у... — промычал Передонов.

— Верно. Что твоя Варвара? Вот, понюхай.

Рутилов наклонился, оторвал шерстистый стебель белены, скомкал его вместе с листьями и грязно-белыми цветами и, растирая все это пальцами, поднес к носу Передонова. Тот поморщился от неприятного, тяжелого запаха. Рутилов говорил:

— Растереть да бросить, — вот и Варвара твоя. Она и мои сестры — это, брат, две большие разницы. Бойкие барышни, живые, — любую возьми, не даст заснуть. Да и молодые, — самая старшая втрое моложе твоей Варвары.

Все это Рутилов говорил, по обыкновению своему, быстро и весело, улыбаясь, но он, высокий, узкогрудый, казался чahlым и хрупким, и из-под шляпы его, новой и модной, как-то жалко торчали жидкие, коротко остриженные светлые волосы.

— Ну уж и втрое, — вяло возразил Передонов, снимая и протирая золотые очки.

— Да уж верно! — воскликнул Рутилов. — Смотри не зевай, пока я жив, а то они у меня тоже с гонором, — потом захочешь, да поздно будет. А только из них каждая за тебя с превеликим удовольствием пойдет.

— Да, в меня здесь все влюбляются, — с угрюмым самохвальством сказал Передонов.

— Ну, вот видишь, вот ты и лови момент, — убеждал Рутилов.

— Мне бы, главное, не хотелось, чтобы она была сухопарая, — с тоскою в голосе сказал Передонов. — Жирненькую бы мне.

— Да уж на этот счет ты не беспокойся, — горячо говорил Рутилов. — Они и теперь барышни пухленькие, а если не совсем вошли в объем, так это только до поры до времени. Выйдут замуж, и они раздобрееют, как старшая. Лариса-то у нас, сам знаешь, какая кулебяка стала.

— Я бы женился, — сказал Передонов, — да боюсь, что Варя большой скандал устроит.

— Боишься скандала, так ты вот что сделай, — с хитрою улыбкою сказал Рутилов, — сегодня же венчайся,

не то завтра: домой явишься с молодой женой, и вся недолга. Правда, хочешь, я это сварганю завтра же вечером? С какую хочешь?

Передонов внезапно захохотал, отрывисто и громко.

— Ну, идет? по рукам, что ли? — спросил Рутитов.

Передонов так же внезапно перестал смеяться и угрюмо сказал, тихо, почти шепотом:

— Донесет, мерзавка.

— Ничего не донесет, нечего доносить, — убеждал Рутитов.

— Или отравит, — боязливо шептал Передонов.

— Да уж ты во всем на меня положишься, — горячо уговаривал его Рутитов, — я все так тонко обстрою тебе...

— Я без приданого не женюсь, — сердито крикнул Передонов.

Рутитова несколько не удивил новый скачок в мыслях его угрюмого собеседника. Он возразил все с тем же одушевлением:

— Чудак, да разве они бесприданницы! Ну, что же, идет, что ли? Ну, я побегу, все устрою. Только, чур, никому ни гугу, слышишь, никому!

Он потряс руку Передонова и побежал от него. Передонов молча смотрел за ним. Барышни Рутитовы припомнились ему, веселые, насмешливые. Нескромная мысль выдавила на его губы поганое подобие улыбки, — оно появилось на миг и исчезло. Смутное беспокойство поднялось в нем.

«С княгиней-то как же? — подумал он. — За теми гроши, и протекции нет, а с Варварой в инспекторы попадешь, а потом и директором сделают».

Он посмотрел вслед суетливо убегающему Рутитову и злорадно подумал:

«Пусть побегает».

И эта мысль доставила ему вялое и тусклое удовольствие. Но ему стало скучно оттого, что он — один; он надвинул шляпу на лоб, нахмурил светлые брови и то-

ропливо отправился домой по немощеным, пустым улицам, заросшим лежачею мшанкою с белыми цветами да жерухой, травой, затоптанною в грязи.

Кто-то позвал его тихим и быстрым голосом:

— Ардальон Борисыч, к нам зайдите.

Передонов поднял сумрачные глаза и сердито посмотрел за изгородь. В саду за калиткою стояла Наталья Афанасьевна Вершина, маленькая, худенькая, темнокожая женщина, вся в черном, чернобровая, черноглазая. Она курила папироску в черешневом темном мундштуке и улыбалась слегка, словно знала такое, чего не говорят, но чему улыбаются. Не столько словами, сколько легкими, быстрыми движениями зазывала она Передонова в свой сад: открыла калитку, посторонилась, улыбалась просительно и вместе уверенно и показывала руками, — входи, мол, чего стоишь.

И вошел Передонов, подчиняясь ее, словно ворожащим, беззвучным движениям. Но он сейчас же остановился на песчаной дорожке, где в глаза ему бросились обломки сухих веток, и посмотрел на часы.

— Завтракать пора, — проворчал он.

Хотя часы служили ему давно, но он и теперь, как всегда при людях, с удовольствием глянул на их большие золотые крышки. Было без двадцати минут двенадцать. Передонов решил, что можно побыть немного. Угрюмо шел он за Вершиною по дорожкам, мимо опустелых кустов черной и красной смородины, малины, крыжовника.

Сад желтел и пестрел плодами да поздними цветами. Было тут много плодовых и простых деревьев да кустов: невысокие раскидистые яблони, круглолистые груши, липы, вишни с гладкими блестящими листьями, слива, жимолость. На бузиновых кустах краснели ягоды. Около забора густо цвела сибирская герань, — мелкие бледно-розовые цветки с пурпуровыми жилками. Остропестро выставляло из-под кустов свои колючие пурпуровые

головки. В стороне стоял деревянный дом, маленький, серенький, в одно жилье, с широкою обеденкою в сад. Он казался милым и уютным. А за ним виднелась часть огорода. Там качались сухие коробочки мака да бело-желтые крупные чепчики ромашки, желтые головки подсолнечника никли перед увяданием, и между полезными зелиями поднимались зонтики: белые у кокорыша и бледно-пурпуровые у цикутного аистника, цвели светло-желтые лютики да невысокие молочаи.

— У обедни были? — спросила Вершина.

— Был, — угрюмо ответил Передонов.

— Вот и Марта только что вернулась, — рассказывала Вершина. — Она часто в нашу церковь ходит. Уж я и то смеюсь: для кого это, говорю, вы, Марта, в нашу церковь ходите? Краснеет, молчит. Пойдемте, в беседке посидимте, — сказала она быстро и без всякого перехода от того, что говорила раньше.

Среди сада, в тени развесистых кленов, стояла старенькая серенькая беседка, — три ступеньки вверх, обомшалый помост, низенькие стены, шесть точеных пузатых столбов и шестискатная кровелька.

Марта сидела в беседке, еще принаряженная от обедни. На ней было светлое платье с бантиками, но оно к ней не шло. Короткие рукава обнажали островатые красные локти, сильные и большие руки. Марта была, впрочем, недурна. Веснушки не портили ее. Она слыла даже за хорошенькую, особенно среди своих, поляков, — их жило здесь немало.

Марта набивала папиросы для Вершиной. Она нетерпеливо хотела, чтобы Передонов посмотрел на нее и пришел в восхищение. Это желание выдавало себя на ее простодушном лице выражением беспокойной приветливости. Впрочем, оно вытекало не из того, чтобы Марта была влюблена в Передонова: Вершина желала пристроить ее, семья была большая, — и Марте хотелось угодить Вершиной, у которой она жила несколько месяцев, со

дня похорон старика-мужа Вершиной, — угодить за себя и за брата-гимназиста, который тоже гостил здесь.

Вершина и Передонов вошли в беседку. Передонов сумрачно поздоровался с Мартою и сел, — выбрал такое место, чтобы спину защищал от ветра столб и чтобы в уши не надуло сквозняком. Он посмотрел на Мартины желтые башмаки с розовыми помпончиками и подумал, что его ловят в женихи. Это он всегда думал, когда видел барышень, любезных с ним. Он замечал в Марте только недостатки — много веснушек, большие руки и с грубой кожей. Он знал, что ее отец, шляхтич, держал в аренде маленькую деревушку верстах в шести от города. Доходы малые, детей много: Марта кончила прогимназию, сын учился в гимназии, другие дети были еще меньше.

— Пивка позвольте вам налить? — быстро спросила Вершина.

На столе стояли стаканы, две бутылки пива, мелкий сахар в жестяной коробке, ложечка мельхиоровая, замоченная пивом.

— Выпью, — отрывисто сказал Передонов.

Вершина посмотрела на Марту. Марта налила стакан, подвинула его Передонову, и при этом на ее лице играла странная улыбка, не то испуганная, не то радостная. Вершина сказала быстро, точно просыпала слова:

— Положите сахару в пиво.

Марта подвинула к Передонову жестянку с сахаром. Но Передонов досадливо сказал:

— Нет, это — гадость, с сахаром.

— Что вы, вкусно, — однозвучно и быстро уронила Вершина.

— Очень вкусно, — сказала Марта.

— Гадость, — повторил Передонов и сердито поглядел на сахар.

— Как хотите, — сказала Вершина и тем же голосом, без остановки и перехода заговорила о другом: — Черепнин мне надоедает, — сказала она и засмеялась.

Засмеялась и Марта. Передонов смотрел равнодушно: он не принимал никакого участия в чужих делах, — не любил людей, не думал о них иначе, как только в связи со своими выгодами и удовольствиями. Вершина самодовольно улыбнулась и сказала:

— Думает, что я выйду за него.

— Ужасно дерзкий, — сказала Марта, не потому, что думала это, а потому, что хотела угодить и польстить Вершиной.

— Вчера у окна подсматривал, — рассказывала Вершина. — Забрался в сад, когда мы ужинали. Кадка под окном стояла, мы подставили под дождь, — целая натекала. Покрыта была доской, воды не видно, он влез на кадку, да и смотрит в окно. А у нас лампа горит, — он нас видит, а мы его не видим. Вдруг слышим шум. Испугались сначала, выбегаем. А это он провалился в воду. Однако вылез до нас, убежал весь мокрый, — по дорожке так мокрый след. Да мы и по спине узнали.

Марта смеялась тоненьким, радостным смехом, как смеются благонравные дети. Вершина рассказала все быстро и однообразно, словно высыпала, — как она всегда говорила, — и разом замолчала, сидела и улыбалась краем рта, и оттого все ее смуглое и сухое лицо пошло в складки, и черноватые от курева зубы слегка приоткрылись. Передонов подумал и вдруг захохотал. Он всегда не сразу отзывался на то, что казалось ему смешным, — медленны и тупы были его восприятия.

Вершина курила папиросу за папиросою. Она не могла жить без табачного дыма перед ее носом.

— Скоро соседями будем, — объявил Передонов.

Вершина бросила быстрый взгляд на Марту. Та слегка покраснела, с пугливым ожиданием посмотрела на Передонова и сейчас же опять отвела глаза в сад.

— Переезжаете? — спросила Вершина. — Отчего же?

— Далеко от гимназии, — объяснил Передонов.

Вершина недоверчиво улыбалась. Вернее, думала она, что он хочет быть поближе к Марте.

— Да ведь вы там уже давно живете, уже несколько лет, — сказала она.

— Да и хозяйка стерва, — сердито сказал Передонов.

— Будто? — недоверчиво спросила Вершина и криво улыбнулась.

Передонов немного оживился.

— Наклеила новые обои, да скверно, — рассказывал он. — Не подходит кусок к куску. Вдруг в столовой над дверью совсем другой узор, вся комната разводами да цветочками, а над дверью полосками да гвоздиками. И цвет совсем не тот. Мы было не заметили, да Фаластов пришел, смеется. И все смеются.

— Еще бы, такое безобразие, — согласилась Вершина.

— Только мы ей не говорим, что мы выедем, — сказал Передонов и при этом понизил голос. — Найдем квартиру и поедем, а ей не говорим.

— Само собой, — сказала Вершина.

— А то будет, пожалуй, скандалить, — говорил Передонов, и в глазах его отразилось пугливое беспокойство. — Да еще и плати ей за месяц, за такую-то гадость.

Передонов захохотал от радости, что выедет и за квартиру не заплатит.

— Стребует, — заметила Вершина.

— Пусть требует, я не отдам, — сердито сказал Передонов. — Мы в Питер ездили, так не пользовались это время квартирою.

— Да ведь квартира-то за вами оставалась, — сказала Вершина.

— Что ж такое! Она должна ремонт делать, так разве мы обязаны платить за то время, пока не живем? И главное — она ужасно дерзкая.

— Ну, хозяйка дерзкая оттого, что ваша... сестрица уж слишком пылкая особа, — сказала Вершина с легкой заминкою на слове «сестрица».

Передонов нахмурился и тупо глядел перед собою полусонными глазами. Вершина заговорила о другом. Передонов вытащил из кармана карамельку, очистил ее от бумажки и принялся жевать. Случайно взглянул он на Марту и подумал, что она завидует и что ей тоже хочется карамельки.

«Дать ей или не давать? — думал Передонов. — Не стоит она. Или уж разве дать, — пусть не думают, что мне жалко. У меня много, полны карманы».

И он вытащил горсть карамели.

— Натe, — сказал он и протянул леденцы сначала Вершиной, потом Марте, — хорошие бомбошки, дорогие, тридцать копеек за фунт плачены.

Они взяли по одной. Он сказал:

— Да вы больше берите. У меня много, и хорошие бомбошки, — я худого есть не стану.

— Благодарю вас, я не хочу больше, — сказала Вершина быстро и невыразительно.

И те же слова за нею повторила Марта, но как-то нерешительно. Передонов недоверчиво посмотрел на Марту и сказал:

— Ну, как не хотеть! Натe.

И он взял из горсти одну карамельку себе, а остальные положил перед Мартою. Марта молча улыбнулась и наклонила голову.

«Невежа, — подумал Передонов, — не умеет поблагодарить хорошенько».

Он не знал, о чем говорить с Мартою. Она была ему нелюбопытна, как все предметы, с которыми не были кем-то установлены для него приятные или неприятные отношения.

Остальное пиво было вылито в стакан Передонову.

Вершина глянула на Марту.

— Я принесу, — сказала Марта.

Она всегда без слов догадывалась, чего хочет Вершина.

— Пошлите Владю, он в саду, — сказала Вершина.

— Владислав! — крикнула Марта.

— Здесь, — отозвался мальчик так близко и так скоро, точно он подслушивал.

— Пива принеси, две бутылки, — сказала Марта, — в сенях в ларе.

Скоро Владислав подбежал бесшумно к беседке, подал через окно Марте пиво и поклонился Передонову.

— Здравствуйте, — хмуро сказал Передонов, — пива сколько бутылок сегодня выдули?

Владислав принужденно улыбнулся и сказал:

— Я не пью пива.

Это был мальчик лет четырнадцати, с веснушчатым, как у Марты, лицом, похожий на сестру, неловкий, мешкотный в движениях. Одет он был в блузу сурового полотна.

Марта шепотом заговорила с братом. Оба они смеялись. Передонов подозрительно посматривал на них. Когда при нем смеялись и он не знал, о чем, он всегда предполагал, что это над ним смеются. Вершина забеспокоилась. Уже она хотела окликнуть Марту. Но сам Передонов спросил злым голосом:

— Чему смеетесь?

Марта вздрогнула, повернулась к нему и не знала, что сказать. Владислав улыбался, глядя на Передонова, и слегка краснел.

— Это невежливо, при гостях, — выговаривал Передонов. — Надо мной смеетесь? — спросил он.

Марта покраснела, Владислав испугался.

— Извините, — сказала Марта, — мы вовсе не над вами. Мы о своем.

— Секрет, — сердито сказал Передонов. — При гостях невежливо о секретах разговаривать.

— Да не то что секрет, — сказала Марта, — а мы тому, что Владя — босиком и не может войти сюда — стесняется.

Передонов успокоился, стал выдумывать шутки над Владею, потом угостил и его карамелькою.

— Марта, принесите мой черный платок, — сказала Вершина, — да загляните заодно в кухню, как там пирог.

Марта послушно вышла. Она поняла, что Вершина хочет говорить с Передоновым, и была рада, ленивая, что не к спеху.

— А ты иди подальше, — сказала Вершина Владе, — нечего тебе тут болтаться.

Владя побежал, и слышно было, как песок шуршит под его ногами. Вершина осторожно и быстро посмотрела вбок на Передонова сквозь непрерывно выпускаемый ею дым. Передонов сидел молча, глядел прямо перед собою затуманенным взором и жевал карамельку. Ему было приятно, что те ушли, — а то, пожалуй, опять бы засмеялись. Хотя он и узнал наверное, что смеялись не над ним, но в нем осталась досада, — так после прикосновения жгучей крапивы долго остается и возрастает боль, хотя уже крапива и далече.

— Что вы не женитесь? — вдруг часто и быстро заговорила Вершина. — Чего еще ждете, Ардальон Борисыч! Варвара ваша вам не пара, извините, прямо скажу.

Передонов провел рукою по слегка растрепанным каштанового цвета волосам и с угрюмою важностью молвил:

— Здесь для меня и нет пары.

— Не скажите, — возразила Вершина и криво улыбнулась. — Здесь есть много лучшее ее, и за вас всякая пойдет.

Она стряхнула пепел с папиросы решительным движением, словно поставила на чем-то утвердительный знак.

— Всякой мне не надо, — ответил Передонов.

— Не о всякой и речь, — быстро говорила Вершина. — Да вам ведь не за приданым гнаться, была бы девушка хорошая. Вы сами получаете достаточно, слава богу.

— Нет, — возразил Передонов, — мне выгоднее на Варваре жениться. Ей княгиня протекцию обещала. Она

даст мне хорошее место, — говорил Передонов с угрюмым одушевлением.

Вершина слегка улыбалась. Все ее морщинистое и темное, словно прокопченное табаком, личико выражало снисходительную недоверчивость. Она спросила:

— Да вам она говорила это, княгиня-то?

С ударением на слове «вам».

— Не мне, а Варваре, — признался Передонов, — да это все равно.

— Уж слишком вы полагаетесь на слова вашей сестрицы, — злорадно говорила Вершина. — Ну а скажите, она много старше вас? Лет на пятнадцать? Или больше? Ведь ей под пятьдесят?

— Ну, где там, — досадливо сказал Передонов, — тридцати еще нет.

Вершина засмеялась.

— Скажите, пожалуйста, — с нескрываемою насмешкою в голосе сказала она, — а на вид она гораздо старше вас. Конечно, это не мое дело, а только со стороны жалко, что такой хороший молодой человек должен жить не так, как бы он заслуживал по своей красоте и душевным качествам.

Передонов самодовольно оглядывал себя. Но не было улыбки на его румянном лице, и казалось, что он обижен тем, что не все его понимают, как Вершина. А Вершина продолжала:

— Вы и без протекции далеко пойдете. Неужто не оценит начальство! Что ж вам за Варвару держать! Да и не из Рутиловых же барышень вам жену брать: они — легкомысленные, а вам надо жену степенную. Вот бы взяли мою Марту.

Передонов посмотрел на часы.

— Пора домой, — сказал он и стал прощаться.

Вершина была уверена, что Передонов уходит потому, что она задела его за живое и что он из нерешительности только не хочет говорить теперь о Марте.

II

Варвара Дмитриевна Малошина, сожительница Передонова, ждала его, неряшливо одетая, но тщательно набеленная и нарумяненная.

Пеклись к завтраку пирожки с вареньем: Передонов их любил. Варвара бегала по кухне вперевалку, на высоких каблуках и торопилась все к его приходу приготовить. Варвара боялась, что служанка, — рябая, толстая девица Наталья, — украдет пирожок, а то и больше. Поэтому Варвара не выходила из кухни и, по обыкновению, бранила служанку. На ее морщинистом лице, хранившем следы былой красоты, неизменно лежало брюзгливо-жадное выражение.

Как всегда при возвращении домой, Передонова охватили недовольство и тоска. Он вошел в столовую шумно, швырнул шляпу на подоконник, сел к столу и крикнул:

— Варя, подавай!

Варвара носила кушанья из кухни, проворно ковыляя в узких из щегольства башмаках, и прислуживала Передонову сама. Когда она принесла кофе, Передонов наклонился к дымящемуся стакану и понюхал. Варвара встревожилась и пугливо спросила его:

— Что ты, Ардальон Борисыч? Пахнет чем-нибудь кофе?

Передонов угрюмо взглянул на нее и сказал сердито:

— Нюхаю, не подсыпано ли яду.

— Да что ты, Ардальон Борисыч! — испуганно сказала Варвара. — Господь с тобой, с чего ты это выдумал?

— Омегу набуровила! — ворчал он.

— Что мне за корысть травить тебя, — убеждала Варвара, — полно тебе петрушку валять!

Передонов долго еще нюхал, наконец успокоился и сказал:

— Уж если есть яд, так тяжелый запах непременно услышишь, только поближе нюхнуть, в самый пар.

Он помолчал немного и вдруг вымолвил злобно и насмешливо:

— Княгиня!

Варвара заволновалась:

— Что княгиня? Что такое княгиня?

— А то княгиня, — говорил Передонов, — нет, пусть она сперва даст место, а уж потом и я женюсь. Ты ей так и напиши.

— Ведь ты знаешь, Ардальон Борисыч, — заговорила Варвара убеждающим голосом, — что княгиня обещает, только когда я выйду замуж. А то ей за тебя неловко просить.

— Напиши, что мы уж повенчались, — быстро сказал Передонов, радуясь выдумке. Варвара опешила было, но скоро нашлась и сказала:

— Что же врать, — ведь княгиня может справиться. Нет, ты лучше назначь день свадьбы. Да и платье пора шить.

— Какое платье? — угрюмо спросил Передонов.

— Да разве в этом затрапезе венчаться? — крикнула Варвара. — Давай же денег, Ардальон Борисыч, на платье-то.

— Себе в могилу готовишь? — злобно спросил Передонов.

— Скотина ты, Ардальон Борисыч! — укоризненно воскликнула Варвара.

Вдруг Передонову захотелось подразнить Варвару. Он спросил:

— Варвара, знаешь, где я был?

— Ну, где? — беспокойно спросила Варвара.

— У Вершиной, — сказал он и захохотал.

— Нашел себе компанию, — злобно крикнула Варвара, — нечего сказать!

— Видел Марту, — продолжал Передонов.

— Вся в веснушках, — с возрастающею злобою говорила Варвара, — и рот до ушей, хоть лягушке пришей.

— Да уж красивее тебя, — сказал Передонов. — Вот возьму да и женюсь на ней.

— Женись только на ней, — закричала Варвара, красная и дрожащая от злости, — я ей глаза кислотой выжгу!

— Плевать я на тебя хочу, — спокойно сказал Передонов.

— Не проплюнешь! — кричала Варвара.

— А вот и проплюну, — сказал Передонов.

Встал и с тупым и равнодушным видом плюнул ей в лицо.

— Свинья! — сказала Варвара довольно спокойно, словно плевком освежил ее.

И принялась обтираться салфеткою. Передонов молчал. В последнее время он стал с Варварою грубее обыкновенного. Да и раньше он обходился с нею дурно. Ободренная его молчанием, она заговорила погромче:

— Право, свинья. Прямо в морду попал.

В передней послышался блеющий, словно бараний голос.

— Не ори, — сказал Передонов, — гости.

— Ну, это Павлушка, — ухмыляясь, отвечала Варвара.

Вошел с радостным громким смехом Павел Васильевич Володин, молодой человек, весь, и лицом и ухватками удивительно похожий на барашка: волосы, как у барашка, курчавые, глаза выпуклые и тупые, — все, как у веселого барашка, — глупый молодой человек. Он был столяр, обучался раньше в ремесленной школе, а теперь служил учителем ремесла в городском училище.

— Ардальон Борисыч, дружище! — радостно закричал он. — Ты дома, кофеек распиваешь, а вот и я, тут как тут.

— Наташка, носи третью ложку! — крикнула Варвара. Слышно было из кухни, как Наталья звенела единственную оставшеюся чайною ложкою: остальные были спрятаны.

— Ешь, Павлушка, — сказал Передонов, и видно было, что ему хочется накормить Володина. — А я, брат,

уж теперь скоро в инспекторы пролезу, — Варя княгиня обещала.

Володин заликовал и захохотал.

— А, будущий инспектор кофеек распивает! — закричал он, хлопая Передонова по плечу.

— А ты думаешь, легко в инспекторы вылезть? Доне-сут — и крышка.

— Да что доносить-то? — ухмыляясь, спросила Варвара.

— Мало ли что. Скажут, что я Писарева читал, — и ау!

— А вы, Ардальон Борисыч, этого Писарева на заднюю полочку, — посоветовал Володин, хихикая.

Передонов опасливо глянул на Володина и сказал:

— У меня, может быть, никогда и не было Писарева. Хочешь выпить, Павлушка?

Володин выпятил нижнюю губу, сделал значительное лицо знающего себе цену человека и сказал, по-бараньи наклоня голову:

— Если за компанию, то я всегда готов выпить, а так — ни-ни.

А Передонов тоже всегда готов был выпить. Выпили водки, закусили сладкими пирожками.

Вдруг Передонов плеснул остаток кофе из стакана на обои. Володин вытаращил свои бараньи глазки и огляделся с удивлением. Обои были испачканы, изодраны. Володин спросил:

— Что это у вас обои?

Передонов и Варвара захохотали.

— Назло хозяйке, — сказала Варвара. — Мы скоро выедем. Только вы не болтайте.

— Отлично! — крикнул Володин и радостно захохотал.

Передонов подошел к стене и принялся колотить по ней подошвами. Володин по его примеру тоже лягал стену. Передонов сказал:

— Мы всегда, когда едим, пакостим стены, — пусть помнит.

— Каких лепех насажал! — с восторгом восклицал Володин.

— Иришка-то как обалдеет, — сказала Варвара с сухим и злым смехом.

И все трое, стоя перед стеною, плевали на нее, рвали обои и колотили их сапогами. Потом, усталые и довольные, отошли.

Передонов нагнулся и поднял кота. Кот был толстый, белый, некрасивый. Передонов теребил его — дергал за уши, за хвост, тряс за шею. Володин радостно хохотал и подсказывал Передонову, что еще можно сделать.

— Ардальон Борисыч, дунь ему в глаза! Погладь его против шерсти!

Кот фыркал и старался вырваться, но не смел показать когтей — за это его жестоко били. Наконец забава Передонову наскучила, и он бросил кота.

— Слушай, Ардальон Борисыч, что я тебе хотел сказать, — заговорил Володин. — Всю дорогу думал, как бы не забыть, и чуть не забыл.

— Ну? — угрюмо спросил Передонов.

— Вот ты любишь сладкое, — радостно говорил Володин, — а я такое кушанье знаю, что ты пальчики оближешь.

— Я сам все вкусные кушанья знаю, — сказал Передонов.

Володин сделал обиженное лицо.

— Может быть, — сказал он, — вы, Ардальон Борисыч, знаете все вкусные кушанья, которые делают у вас на родине, но как же вы можете знать все вкусные кушанья, которые делаются у меня на родине, если вы никогда на моей родине не были?

И, довольный убедительностью своего возражения, Володин засмеялся, заблеял.

— На твоей родине дохлых кошек жрут, — сердито сказал Передонов.

— Позвольте, Ардальон Борисыч, — визгливым и смеющимся голосом говорил Володин, — это, может быть,

на вашей родине изволят кушатьдохлых кошек, этого мы не будем касаться, а только ерлов вы никогда не кушали.

— Нет, не кушал, — признался Передонов.

— Что же это за кушанье такое? — спросила Варвара.

— А это вот что, — стал объяснять Володин, — знаете вы кутью?

— Ну, кто кутьи не знает, — ухмыляясь, ответила Варвара.

— Так вот, пшенная кутья, с изюмцем, с сахарцем, с миндалем, — это и есть ерлы.

И Володин подробно рассказал, как варят на его родине ерлы. Передонов слушал тоскливо. Кутья, — что ж, его в покойники, что ли, хочет записать Павлушка?

Володин предложил:

— Если вы хотите, чтоб все было как следует, вы дайте мне материал, а я вам и сварю.

— Пусти козла в огород, — угрюмо сказал Передонов.

«Еще подсыплет чего-нибудь», — подумал он.

Володин опять обиделся.

— Если вы думаете, Ардальон Борисыч, что я у вас стяну сахарцу, так вы ошибаетесь, — мне вашего сахарцу не надо.

— Ну, что там валять петрушку, — перебила Варвара. — Ведь вы знаете, у него все привереды. Приходите и варите.

— Сам и есть будешь, — сказал Передонов.

— Это почему же? — дребезжащим от обиды голосом спросил Володин.

— Потому что гадость.

— Как вам угодно, Ардальон Борисыч, — пожимая плечами, сказал Володин, — а только я вам хотел угодить, а если вы не хотите, то как хотите.

— А как тебя генерал-то отбрил? — спросил Передонов.

— Какой генерал? — ответил вопросом Володин и покраснел и обиженно выпятил нижнюю губу.

— Да слышали, слышали, — говорил Передонов.

Варвара ухмылялась.

— Позвольте, Ардальон Борисыч, — горячо заговорил Володин, — вы слышали, да, может быть, недослышали. Я вам расскажу, как все это дело было.

— Ну, рассказывай, — сказал Передонов.

— Это было дело третьего дня, — рассказывал Володин, — об эту самую пору. У нас в училище, как вам известно, производится в мастерской ремонт. И вот, изволите видеть, приходит Верига с нашим инспектором осматривать, а мы работаем в задней комнате. Хорошо. Я не касаюсь, зачем Верига пришел, что ему надо, — это не мое дело. Положим, я знаю, что он — предводитель дворянства, а к нашему училищу касательства не имеет, — но я этого не трогаю. Приходит — и пусть, мы им не мешаем, работаем себе помаленьку, — вдруг они к нам входят, и Верига, изволите видеть, в шапке.

— Это он тебе неуважение оказал, — угрюмо сказал Передонов.

— Изволите видеть, — обрадованно подхватил Володин, — и у нас образ висит, и мы сами без шапок, а он вдруг является таким мамелюком. Я ему и изволил сказать, тихо, благородно: ваше превосходительство, говорю, потрудитесь вашу шапочку снять, потому, говорю, как здесь образ. Правильно ли я сказал? — спросил Володин и вопросительно вытаращил глаза.

— Ловко, Павлушка, — крикнул Передонов, — так ему и надо.

— Конечно, что им спускать, — поддержала и Варвара. — Молодец, Павел Васильевич.

Володин с видом напрасно обиженного человека продолжал:

— А он вдруг изволил мне сказать: всякий сверчок знай свой шесток. Повернулся и вышел. Вот как все дело было, и больше никаких.

Володин чувствовал себя все-таки героем. Передонов в утешение дал ему карамельку.

Пришла и еще гостя, Софья Ефимовна Преполовенская, жена лесничего, полная, с добродушно-хитрым лицом и плавными движениями. Ее посадили завтракать. Она лукаво спросила Володина:

— Что это вы, Павел Васильевич, так зачастили к Варваре Дмитриевне?

— Я не к Варваре Дмитриевне изволил прийти, — скромно ответил Володин, — а к Ардальону Борисычу.

— Уж не влюбились ли вы в кого-нибудь? — посмеиваясь, спрашивала Преполовенская.

Всем известно было, что Володин искал невесты с приданым, сватался ко многим и получал отказ. Шутка Преполовенской показалась ему неуместною. Дрожащим голосом, напоминая всею своею повадкою разобиженно-го баранчика, он сказал:

— Если я влюбился, Софья Ефимовна, то это ни до кого не касается, кроме меня самого и той особы, а вы таким манером выходите в сторонке.

Но Преполовенская не унималась.

— Смотрите, — говорила она, — влюбите вы в себя Варвару Дмитриевну, кто тогда Ардальону Борисычу сладкие пирожки станет печь?

Володин выпятил губы, поднял брови и уже не знал, что сказать.

— Да вы не робейте, Павел Васильевич, — продолжала Преполовенская, — чем вы не жених! И молоды, и красивы.

— Может быть, Варвара Дмитриевна и не захотят, — сказал Володин, хихикая.

— Ну как не захотят, — ответила Преполовенская, — уж больно вы скромны некстати.

— А может быть, и я не захочу, — сказал Володин, ломаясь. — Я, может быть, не хочу на чужих сестрицах жениться. У меня, может быть, на родине своя двоюродная племянница растет.

Уже он начал верить, что Варвара не прочь за него выйти. Варвара сердилась. Она считала Володина дура-

ком; да и получал он вчетверо меньше, чем Передонов. Преполовенской же хотелось женить Передонова на своей сестре, дебелой поповне. Поэтому она старалась поссорить Передонова с Варварою.

— Что вы меня сватаете, — досадливо сказала Варвара, — вот вы лучше вашу меньшую за Павла Васильевича сватайте.

— Зачем же я стану его от вас отбивать! — шутливо возразила Преполовенская.

Шутки Преполовенской дали новый оборот медленным мыслям Передонова; да и ерлы крепко засели в его голове. С чего это Володин выдумал такое кушанье? Передонов не любил размышлять. В первую минуту он всегда верил тому, что ему скажут. Так поверил он и влюбленности Володина в Варвару. Он думал: вот окрутят с Варварой, а там, как поедут на инспекторское место, отравят его в дороге ерлами и подменят Володиным: его похоронят как Володина, а Володин будет инспектором. Ловко придумали!

Вдруг в передней послышался шум. Передонов и Варвара испугались: Передонов неподвижно оставил на дверь прищуренные глаза. Варвара подкралась к двери в залу, едва приоткрыла ее, заглянула, потом так же тихо, на цыпочках, балансируя руками и растерянно улыбаясь, вернулась к столу. Из передней доносились визгливые крики и шум, словно там боролись. Варвара шептала:

— Ершиха — пьяная-распьяная, Наташка ее не пускает, а она в залу так и прет.

— Как же быть? — испуганно спросил Передонов.

— Надо перейти в залу, — решила Варвара, — чтоб она сюда не залезла.

Пошли в залу, а двери за собой плотно закрыли. Варвара вышла в прихожую со слабою надеждою задержать хозяйку или посадить ее в кухню. Но нахальная баба ворвалась-таки в залу. Она, подбочась, остановилась у порога и сыпала ругательные слова в виде общего приветст-

вия. Передонов и Варвара суетились около нее и старались усадить ее на стул поближе к прихожей да подальше от столовой. Варвара вынесла ей из кухни на подносе водки, пива, пирожков. Но хозяйка не садилась, ничего не брала и рвалась в столовую, да только никак не могла признать, где дверь. Она была красная, растрепанная, грязная, и от нее далеко пахло водкою. Она кричала:

— Нет, ты меня за свой стол посади. Что ты мне выносишь на подносе! Я на скатертке хочу. Я — хозяйка, так ты меня почти. Ты не гляди, что я — пьяная. Зато я — честная, я — своему мужу жена.

Варвара, трусливо и нагло ухмыляясь, сказала:

— Да уж мы знаем.

Ершова подмигнула Варваре, хрипло захохотала и ухарски щелкнула пальцами. Она становилась все более дерзкою.

— Сестра! — кричала она. — Знаем мы, какая ты есть сестра. А отчего к тебе директорша не ходит? а? что?

— Да ты не кричи, — сказала Варвара.

Но Ершова закричала еще громче:

— Как ты можешь мне указывать! Я в своем дому, что хочу, то и делаю. Захочу — и сейчас вас выгоню вон, и чтобы духу вашего не пахло. Но только я к вам милостива. Живите, ничего, только чтоб не фордыбачить.

Меж тем Володин и Преполовенская скромненько посиживали у окна да помалкивали. Преполовенская легонечко усмехалась, посматривала искоса на буянку, а сама притворялась, что глядит на улицу. Володин сидел с обиженно-значительным выражением на лице.

Ершова на время пришла в благодушное настроение и дружелюбно сказала Варваре, пьяно и весело улыбаясь ей и похлопывая ее по плечу:

— Нет, ты меня послушай-ка, что я тебе скажу, — ты меня за свой стол посади да барского разговорцу мне поставь. Да поставь ты мне сладких жамочек, почти хозяйки домовую, так-то, милая ты моя девушка.

— Вот тебе пирожки, — сказала Варвара.

— Не хочу пирожков, хочу барских жамочек, — закричала Ершова, размахивая руками и блаженно улыбаясь, — вкусные жамочки господы жрут, и-их вкусные!

— Нет у меня никаких тебе жамочек, — отвечала Варвара, делаясь смелее оттого, что хозяйка становилась веселее, — вот, дают тебе пирожки, так и жри.

Вдруг Ершова разобрала, где дверь в столовую. Она неистово взревела:

— Дай дорогу, ехидина!

Оттолкнула Варвару и кинулась к двери. Ее не успели удержать. Наклонив голову, сжав кулаки, ворвалась она в столовую, с треском распахнув дверь. Там она остановилась близ порога, увидела испачканные обои и пронзительно засвистала. Она подбоченилась, лихо отставила ногу и неистово крикнула:

— А, так вы и в самом деле хотите съезжать!

— Что ты, Иринья Степановна, — дрожащим голосом говорила Варвара, — мы и не думаем, полно тебе петрушку валять.

— Мы никуда не уедем, — подтверждал Передонов, — нам и здесь хорошо.

Хозяйка не слушала, подступала к оторопелой Варваре и размахивала кулаками у ее лица. Передонов держался позади Варвары. Он бы и убежал, да любопытно было посмотреть, как хозяйка и Варвара подерутся.

— На одну ногу стану, за другую дерну, пополам разорву! — свирепо кричала Ершова.

— Да что ты, Иринья Степановна, — уговаривала Варвара, — перестань, у нас гости.

— А подавай сюда гостей! — закричала Ершова. — Гости-то твоих мне и нужно!

Ершова, шатаясь, ринулась в залу и, вдруг переменяя совершенно и речь и все свое обращение, смиренно сказала Преполовенской, низко кланяясь ей, причем едва не свалилась на пол:

— Барыня милая, Софья Ефимовна, простите вы меня, бабу пьяную. А только, что я вам скажу, послушайте-ка. Вот вы к ним ходите, а знаете, что она про вашу сестрицу говорит? И кому же? Мне, пьяной сапожнице! Зачем? Чтобы я всем рассказала, вот зачем!

Варвара багрово покраснела и сказала:

— Ничего я тебе не говорила.

— Ты не говорила? Ты, касть поганая? — закричала Ершова, подступая к Варваре со сжатыми кулаками.

— Ну, замолчи, — смущенно пробормотала Варвара.

— Нет, не замолчу, — злорадно крикнула Ершова и опять обратилась к Преполовенской. — Что она с вашим мужем будто живет, ваша сестра, вот что она мне говорила, паскудная.

Софья сверкнула сердитыми и хитрыми глазами на Варвару, встала и сказала с притворным смехом:

— Благодарю покорно, не ожидала.

— Врешь! — злобно взвизгнула на Ершову Варвара.

Ершова сердито гукнула, топнула и махнула рукою на Варвару и сейчас же снова обратилась к Преполовенской:

— Да и барин-то про вас, матушка-барыня, что говорит! Что вы будто раньше таскались, а потом замуж вышли! Вот они какие есть, самые мерзкие люди! Плюньте вы им в морды, барыня хорошая, чем с такими расподлыми людишками возжаться.

Преполовенская покраснела и молча пошла в прихожую. Передонов побежал за нею, оправдываясь:

— Она врет, вы ей не верьте. Я только раз сказал при ней, что вы — дура, да и то со злости, а больше, ей-богу, ничего не говорил, — это она сама сочинила.

Преполовенская спокойно отвечала:

— Да что вы, Ардальон Борисыч! Ведь я вижу, что она пьяная, сама не помнит, что мелет. Только зачем вы все это позволяете в своем доме?

— Вот поди знай, — ответил Передонов, — что с нею сделаешь!

Преполовенская, смущенная и сердитая, надевала кофту. Передонов не догадался помочь ей. Еще он бормотал что-то, но уже она не слушала его. Тогда Передонов вернулся в залу. Ершова принялась крикливо упрекать его. Варвара выбежала на крыльцо и утешала Преполовенскую:

— Ведь вы знаете, какой он дурак, — что говорит, сам не знает.

— Ну, полноте, что вы беспокоитесь, — отвечала ей Преполовенская. — Мало ли что пьяная баба сболтнет.

Около дома, на дворе, куда выходило крыльцо, росла крапива, густая, высокая. Преполовенская слегка улыбнулась, и последняя тень недовольства сбежала с ее белого и полного лица. Она по-прежнему стала приветлива и любезна с Варварою. Обида будет отомщена и без ссоры. Вместе пошли они в сад переждать хозяйкино нашествие.

Преполовенская все посматривала на крапиву, которая и в саду обильно росла вдоль заборов. Она сказала наконец:

— Крапивы-то у вас сколько. Вам она не нужна?

Варвара рассмеялась и ответила:

— Ну вот, на что мне она!

— Коли вам не жалко, надо у вас нарвать, а то у нас нету, — сказала Преполовенская.

— Да на что она вам? — с удивлением спросила Варвара.

— Да уж надо, — сказала Преполовенская, посмеиваясь.

— Душечка, скажите, на что? — взмолилась любопытная Варвара.

Преполовенская, наклонившись к Варварину уху, шепнула:

— Крапивой натирать — с тела не спадешь. От крапивы-то и моя Геничка такая толстуха.

Известно было, что Передонов отдает предпочтение жирным женщинам, а тощих порицает. Варвару сокру-

шало, что она тонка и все худеет. Как бы нагулять побольше жиру? — вот в чем была одна из главнейших ее забот. У всех спрашивала она: не знаете ли средства? Теперь Преполовенская была уверена, что Варвара по ее указанию будет усердно натираться крапивой и так сама себя накажет.

III

Передонов и Ершова вышли на двор. Он бормотал:
— Вот поди ж ты.

Она кричала во все горло и была веселая. Они собирались плясать. Преполовенская и Варвара пробрались через кухню в горницы и сели у окна смотреть, что будет на дворе.

Передонов и Ершова обнялись и пустились в пляс по траве кругом груши. Лицо у Передонова по-прежнему оставалось тупым и не выражало ничего. Механически, как на неживом, прыгали на его носу золотые очки и короткие волосы на его голове. Ершова повизгивала, покрикивала, помахивала руками и вся шаталась.

Она крикнула Варваре в окно:

— Эй, ты, фря, выходи плясать! Ай гнушаешься нашей компанией?

Варвара отвернулась.

— Черт с тобой! Уморилась! — крикнула Ершова, повалилась на траву и увлекла с собою Передонова.

Они посидели, обнявшись, потом опять заплясали. И так несколько раз повторялось: то попляшут, то отдохнут под грушею, на скамеечке или прямо на траве.

Володин искренне веселился, глядя из окна на пляшущих. Он хохотал, строил уморительные гримасы, корчился, сгибал колени вверх и вскрикивал:

— Эк их разбирает! Потеха!

— Стерва проклятая! — сердито сказала Варвара.

— Стерва, — согласился Володин, хохоча, — погоди ж, хозяйшкa любезная, я тебе удружу. Давайте пачкать и в зале. Теперь уже все равно сегодня не вернется, упа-точится там на травке, пойдет спать.

Он залился блеющим смехом и запрыгал бараном. Преполовенская подстрекала:

— Конечно, пачкайте, Павел Васильевич, что ей в зубы смотреть. Если и придет, так ей можно будет ска-зать, что это она сама с пьяных глаз так отделала.

Володин, прыгая и хохоча, побежал в залу и принялся шаркать подошвами по обоям.

— Варвара Дмитриевна, дайте веревочку, — закричал он.

Варвара, ковыляя, словно утка, пошла через залу в спальню и принесла оттуда конец веревки, измочален-ный и узловатый. Володин сделал петлю, поставил среди залы стул и подвесил петлю на крюк для лампы.

— Это для хозяйки! — кричал он. — Чтoб было на чем повеситься со злости, когда вы уедете.

Обе дамы визжали от хохота.

— Дайте бумажки клочок, — кричал Володин, — и ка-рандашик.

Варвара порылась еще в спальне и вынесла оттуда обры-вок бумажки и карандаш. Володин написал: «для хозяйки» и прицепил бумажку к петле. Все это делал он с потешны-ми ужимками. Потом он снова принялся неистово прыгать вдоль стен, попирая их подошвами и весь сотрясаясь при этом. Визгом его и блеющим хохотом был наполнен весь дом. Белый кот, испуганно прижав уши, выглядывал из спальни и, по-видимому, не знал, куда бы ему бежать.

Передонов отвязался наконец от Ершовой и возвра-тился домой один, — Ершова и точно утомилась и пошла домой спать. Володин встретил Передонова радостным хохотом и криком:

— И в зале напачкали! Ура!

— Ура! — закричал Передонов и захохотал громко и отрывисто, словно выпаливая свой смех.

Закричали «ура» и дамы. Началось общее веселье. Передонов крикнул:

— Павлушка, давай плясать!

— Давай, Ардальоша, — глупо хихикая, ответил Володин.

Они плясали под петлею, и оба нелепо вскидывали ноги. Пол вздрагивал под тяжкими стопами Передонова.

— Расплясался Ардальон Борисыч, — заметила Преполовенская, легонечко улыбаясь.

— Уж и не говорите, у него все причуды, — ворчливо ответила Варвара, любуясь, однако, Передоновым.

Она искренно думала, что он — красавец и молодец. Самые глупые поступки его казались ей подходящими. Он не был ей ни смешон, ни противен.

— Отпевайте хозяйку! — кричал Володин. — Давайте подушку!

— Чего ни придумают! — смеясь, говорила Варвара.

Она выкинула из спальни подушку в грязной ситцевой наволочке. Подушку положили на пол за хозяйку и стали ее отпевать дикими, визгливыми голосами. Потом позвали Наталью, заставили ее вертеть аристон, а сами, все четверо, танцевали кадрили, нелепо кривляясь и высоко вскидывая ноги.

После пляски Передонов расщедрился. Одушевление, тусклое и угрюмое, светилось на его заплывшем лице. Им овладела решимость, почти механическая, — может быть, следствие усиленной мышечной деятельности. Он вытащил бумажник, отсчитал несколько кредиток и, с лицом, гордым и самохвальным, бросил их по направлению к Варваре.

— Бери, Варвара! — крикнул он. — Шей себе подвенечное платье.

Кредитки разлетелись по полу. Варвара живо подобрали их. Она нисколько не обиделась на такой способ дарения. Преполовенская злобно думала: «Ну, мы еще посмотрим, чья возьмет», — и ехидно улыбалась. Во-

лодин, конечно, не догадался помочь Варваре поднять деньги.

Скоро Преполовенская ушла. В сенях она встретилась с новой гостью, Грушиною.

Марья Осиповна Грушина, молодая вдова, имела как-то преждевременно опустившуюся наружность. Она была тонка, и сухая кожа ее вся покрылась морщинками, мелкими и словно запыленными. Лицо, не лишенное приятности, — а зубы грязные и черные. Руки тонкие, пальцы длинные и цепкие, под ногтями грязь. На беглый взгляд она не то чтоб казалась очень грязною, а производила такое впечатление, словно она никогда не моется, а только выколачивается вместе со своими платьями. Думалось, что если ударить по ней несколько раз камышевкой, то поднимется до самого неба пыльный столб. Одежда на ней висела мятыми складками, словно сейчас только вынутая из туго завязанного узла, где долго лежала скомканная. Жила Грушина пенсиею, мелким комиссионерством и отдачею денег под залог недвижимостей. Разговоры вела по преимуществу нескромные и привязывалась к мужчинам, желая найти жениха. В ее доме постоянно занимал комнату кто-нибудь из холостых чиновников.

Варвара встретила Грушину радостно: было до нее дело. Грушина и Варвара сейчас же принялись говорить о прислуге и зашептались. Любопытный Володин подсел к ним и слушал. Передонов угрюмо и одиноко сидел за столом и мял руками конец скатерти.

Варвара жаловалась Грушиной на свою Наталью. Грушина указала ей новую прислугу, Клавдию, и расхвалила ее. Решили ехать за нею сейчас же, на Самородину-речку, где она жила пока у акцизного чиновника, на днях получившего перевод в другой город. Варвару остановило только имя. Она с недоумением спросила:

— Клавдия? А ейкать-то ее как же я стану? Клашка, что ли?

Грушина посоветовала:

— А вы ее зовите Клавдюшкой.

Варваре это понравилось. Она повторила:

— Клавдюшка, дюшка.

И смеялась скрипучим смехом. Надо заметить, что дюшками в нашем городе называют свиней. Володин захрюкал. Все захохотали.

— Дюшка, дюшенька, — лепетал меж приступами смеха Володин, корча глупое лицо и выпячивая губы.

И он хрюкал и дурачился до тех пор, пока ему не сказали, что он надоел. Тогда он отошел с обиженным лицом, сел рядом с Передоновым и, по-бараньи склонив свой крутой лоб, устался на испачканную пятнами скатерть.

Заодно по дороге на Самородину-речку Варвара решила купить и материю для подвенечного платья. Она всегда ходила по магазинам вместе с Грушиной: та помогла ей сделать выбор и сторговаться.

Крадучись от Передонова, Варвара напихала Грушиной в глубокие карманы для ее детей разного кушанья, сладких пирожков, гостинцев. Грушина догадалась, что ее услуги сегодня на что-то очень понадобятся Варваре.

Узкие башмаки и высокие каблуки не давали Варваре много ходить. Она скоро уставала. Поэтому она чаще ездила на извозчиках, хотя больших расстояний в нашем городе не было. В последнее время она зачастила к Грушиной. Извозчики уж заприметили это; их и всех-то было десятка два. Сажая Варвару, уж и не спрашивали, куда везти.

Уселись на дрожки и поехали к господам, у которых жила Клавдия, осведомляться о ней. На улицах было почти везде грязно, хотя дождь прошел еще вчера вечером. Дрожки только изредка продребезжат по каменной настилке и опять вязнут в липкой грязи на немощеных улицах.

Зато Варварин голос дребезжал непрерывно, часто сопровождаемый сочувственной болтовнею Грушиной.

— Мой-то гусь опять был у Марфушки, — сказала Варвара.

Грушина ответила с сочувственной злостью:

— Это они его ловят. Еще бы, жених-то хоть куда, особенно ей-то, Марфушке. Ей такого и во сне не снилось.

— Уж не знаю, право, как и быть, — жаловалась Варвара, — ершистый такой стал, что просто страх. Поверите ли, голова кругом идет. Женится, а я на улицу ступай.

— Что вы, голубушка, Варвара Дмитриевна, — утешала Грушина, — не думайте этого. Никогда он ни на ком, кроме вас, не женится. Он к вам привык.

— Уйдет иногда к ночи, а я заснуть не могу, — говорила Варвара. — Кто его знает, может быть, венчается где-нибудь. Иногда всю ночь промаешься. Все на него зарятся: и ругиловские три кобылы, — ведь они всем на шею вешаются, — и Женька толсторожая.

И долго жаловалась Варвара, и по всему ее разговору Грушина видела, что у нее еще что-то есть, какая-то просьба, и заранее радовалась заработку.

Клавдия понравилась. Жена акцизного ее хвалила. Ее наняли и велели приходить сегодня же вечером, так как акцизный уезжал сегодня.

Наконец приехали к Грушиной. Грушина жила в собственном домике, довольно неряшливо, с тремя малыми своими ребятишками, обтрепанными, грязными, глупыми и злыми, как ошпаренные собачонки. Откровенный разговор только теперь начался.

— Мой-то дурак Ардальошка, — заговорила Варвара, — требует, чтобы я опять княгине написала. А чего я ей попусту писать стану! Она и не ответит или ответит неладное. Знакомство-то не больно великое.

Княгиня Волчанская, у которой Варвара когда-то жила домашнею портнихой для простых работ, могла бы оказать Передонову покровительство: ее дочь была замужем за тайным советником Щепкиным, важную в учебном ведомстве особую. Она уже писала Варваре в ответ на ее

просьбы в прошлом году, что не станет просить за Варварина жениха, а за мужа — другое дело, при случае можно будет попросить. То письмо Передонова не удовлетворило: там дана только неясная надежда, а не сказано прямо, что непременно княгиня выхлопочет Варварину мужу инспекторское место. Чтобы разъяснить это недоумение, ездили нынче в Петербург; Варвара ходила к княгине, потом повела к ней Передонова, но нарочно оттянула это посещение, так что уже не застали княгиню: Варвара поняла, что княгиня в лучшем случае ограничится только советом повенчаться поскорее да несколькими неопределенными обещаниями при случае попросить, — обещаниями, которые были бы совсем недостаточны для Передонова. И Варвара решила не показывать княгиню Передонову.

— Уж я на вас как на каменную гору надеюсь, — сказала Варвара, — помогите мне, голубушка Марья Осиповна.

— Как же я могу помочь, душечка Варвара Дмитриевна? — спросила Грушина. — Уж вы знаете, я для вас все готова сделать, что только можно. Поворожить не хотите ли?

— Ну, что ваша ворожка, знаю я, — сказала со смехом Варвара, — нет, вы мне иначе должны помочь.

— Как же? — с тревожно-радостным ожиданием спросила Грушина.

— Очень просто, — сказала, ухмыляясь, Варвара, — вы напишите письмо, будто бы от княгини, под ее руку, а я покажу Ардальону Борисычу.

— Ой, голубушка, что вы, как это можно! — заговорила Грушина, притворяясь испуганною, — как узнают все это дело, что мне тогда будет?

Варвара нисколько не смутилась ее ответом, вытащила из кармана измятое письмо и сказала:

— Вот я и письмо княгинино взяла вам для образца.

Грушина долго отнекивалась. Варвара ясно видела, что Грушина согласится, но что ей хочется получить за это побольше. А Варваре хотелось дать поменьше. И она осторожно увеличивала посулы, наобещала разных мелких по-

дарков, шелковое старое платье, и наконец Грушина увидела, что уж больше Варвара ни за что не даст. Жалобные слова так и сыпались с Варварина языка. Грушина сделала вид, что соглашается только из жалости, и взяла письмо.

IV

В бильярдной было дымно накурено. Передонов, Рутитов, Фаластов, Володин и Мурин — помещик громадного роста, с глупою наружностью, владелец маленького имения, человек оборотливый и денежный, — все пятеро, окончив игру, собирались уходить.

Вечерело. На грязном дощатом столе возвышалось много опорожненных пивных бутылок. Игроки, много за игрою выпившие, раскраснелись и пьяно галдели. Рутитов один сохранял обычную чахлую бледность. Он и пил меньше других, да и после обильной выпивки только бы еще больше побледнел.

Грубые слова носились в воздухе. Никто на это не обижался: по дружбе.

Передонов проиграл, как почти всегда. Он плохо играл на бильярде. Но он сохранял на своем лице невозмутимую угрюмость и расплачивался с неохотою. Мурин громко крикнул:

— Пли!

И прицелился в Передонова кием. Передонов крикнул от страха и присел. В его голове мелькнула глупая мысль, что Мурин хочет его застрелить. Все захохотали. Передонов досадливо пробормотал:

— Терпеть не могу таких шуток.

Мурин уже раскаивался, что испугал Передонова: его сын учился в гимназии, и потому он считал своею обязанностью всячески угождать гимназическим учителям. Теперь он стал извиняться перед Передоновым и угощал его вином и сельтерскою.

Передонов угрюмо сказал:

— У меня нервы немного расстроены. Я директором нашим недоволен.

— Проигрался будущий инспектор, — блеющим голосом закричал Володин, — жаль денежек!

— Несчастлив в игре — счастлив в любви, — сказал Рутилов, посмеиваясь и показывая гниловатые зубы.

Передонов и без того был не в духе из-за проигрыша и от испуга, да еще его принялись дразнить Варварою.

Он крикнул:

— Женюсь, а Варьку вон!

Приятели хохотали и поддразнивали:

— А вот и не посмеешь.

— А вот посмею. Завтра же пойду свататься.

— Пари! идет? — предложил Фаластов. — На десять рублей.

Но Передонову жаль стало денег, — проиграешь, пожалуй, так платить придется. Он отвернулся и угрюмо отмалчивался.

У ворот из сада расстались и разошлись в разные стороны. Передонов и Рутилов пошли вместе. Рутилов принялся уговаривать Передонова сейчас же венчаться на одной из его сестер.

— Я все наладил, не беспокойся, — твердил он.

— Оглашения не было, — отговаривался Передонов.

— Я все наладил, говорю тебе, — убеждал Рутилов. — Попа такого нашел: он знает, что вы не родня.

— Шаферов нет, — сказал Передонов.

— Ну вот, нет. Шаферов достанем сейчас же, пошлю за ними, они и приедут прямо в церковь. Или сам за ними заеду. А раньше нельзя было, сестрица твоя узнала бы и помешала.

Передонов замолчал и тоскливо озирался по сторонам, где темнели редкие, молчаливые дома за дремотными садишками да шаткими изгоролями.

— Ты только постой у ворот, — убедительно говорил Рутитов, — я тебе любую выведу, которую хошь. Ну, послушай, я тебе сейчас докажу. Ведь дважды два — четыре, так или нет?

— Так, — отвечал Передонов.

— Ну вот, дважды два — четыре, что тебе следует жениться на моей сестре.

Передонов был поражен.

«А ведь и правда, — подумал он, — конечно, дважды два — четыре». И он с уважением посмотрел на рассудительного Рутитова. «Придется венчаться! С ним не сговоришь».

Приятели в это время подошли к рутитовскому дому и остановились у ворот.

— Нельзя же нахрапом, — сердито сказал Передонов.

— Чудак, ждут не дождутся, — воскликнул Рутитов.

— Да я-то, может быть, не хочу.

— Ну вот, не хочешь, чудород! Что ж, ты век бобылем жить станешь? — уверенно возразил Рутитов. — Или в монастырь собираешься? Или еще Варя не опротивела? Нет, ты подумай только, какую она рожу скорчит, если ты молодую жену приведешь.

Передонов отрывисто и коротко захохотал, но сейчас же нахмурился и сказал:

— Да и они, может быть, не хотят.

— Ну как не хотят, чудак! — отвечал Рутитов. — Уж я даю тебе слово.

— Они гордые, — придумывал Передонов.

— Да тебе-то что! Еще лучше.

— Насмешницы.

— Да ведь не над тобой, — убеждал Рутитов.

— Почем я знаю!

— Да уж ты мне поверь, я тебя не обману. Они тебя уважают. Ведь ты не Павлушка какой-нибудь, чтоб над тобой смеяться.

— Да, поверь тебе, — недоверчиво сказал Передонов. — Нет, я хочу сам уверяться, что они надо мной не смеются.

— Вот чудак, — с удивлением сказал Рутилов, — да как же они смеют смеяться? Ну, как же ты, однако, хочешь увериться?

Передонов подумал и сказал:

— Пусть выйдут сейчас же на улицу.

— Ну ладно, это можно, — согласился Рутилов.

— Все трое, — продолжал Передонов.

— Ну ладно.

— И пусть каждая скажет, чем она мне угождать будет.

— Зачем же это? — с удивлением спросил Рутилов.

— Вот я и увижу, что они хотят, а то вы меня за нос поведете, — объяснил Передонов.

— Никто тебя за нос не поведет.

— Они надо мной, может быть, посмеяться хотят, — рассуждал Передонов, — а вот пусть выйдут, потом уж они коли захотят смеяться, так и я буду над ними смеяться.

Рутилов подумал, передвинул шляпу на затылок и опять на лоб и наконец сказал:

— Ну, погоди, пойду скажу им. Вот-то чудодей! Только ты во двор войди пока, а то еще кого-нибудь черт понесет по улице, увидят.

— Наплевать, — сказал Передонов, но все же вошел за Рутиловым в калитку.

Рутилов отправился в дом к сестрам, а Передонов остался ждать на дворе.

В гостиной, угловой к воротам горнице, сидели все четыре сестры, все на одно лицо, все похожие на брата, все миловидные, румяные, веселые: замужняя Лариса, спокойная, приятная, полная; вертлявая да быстрая Дарья, самая высокая и тонкая из сестер; смешливая Людмила и Валерия, маленькая, нежная, хрупкая на вид. Они лакомились орехами да изюмом и, очевидно, чего-то

ждали, а потому волновались и смеялись более обычного, вспоминали последние городские сплетни и осмеивали знакомых и незнакомых.

Уже с утра они были готовы ехать под венец. Оставалось только надеть приличное к венцу платье да приколоть фату и цветы. О Варваре сестры не вспоминали в своих разговорах, как будто ее и на свете нет. Но уже одно то, что они, беспощадные насмешницы, перемывая косточки всем, не обмолвились во весь день ни одним словечком только о Варваре, одно это доказывало, что неловкая мысль о ней гвоздем сидит в голове каждой из сестриц.

— Привел! — объявил Рутилов, входя в гостиную. — У ворот стоит.

Сестры взволнованно поднялись и все разом заговорили и засмеялись.

— Только есть заковычка, — сказал Рутилов, посмеиваясь.

— Что, что такое? — спросила Дарья.

Валерия досадливо нахмурила свои красивые, темные брови.

— Уж не знаю, говорить ли? — спросил Рутилов.

— Ну, скорее, скорее! — торопила Дарья.

С некоторым смущением Рутилов рассказал о том, чего желает Передонов. Барышни подняли крик и взапуски принялись бранить Передонова. Но мало-помалу их негодующие крики заменились шутками и смехом, Дарья сделала угрюмо-ожидательное лицо и сказала:

— Вот он так стоит у ворот.

Вышло похоже и забавно.

Барышни стали выглядывать из окна к воротам. Дарья приоткрыла окно и крикнула:

— Ардальон Борисыч, а из окошка сказать можно?

Послышался угрюмый голос:

— Нельзя.

Дарья поспешно захлопнула окно. Сестры расхохотались звонко и неудержимо и убежали из гостиной

в столовую, чтобы Передонов не услышал. В этом веселом семействе умели от самого сердитого настроения переходить к смеху и шуткам, и веселое слово зачастую решало дело.

Передонов стоял и ждал. Ему было грустно и страшно. Подумывал он убежать, да не решился и на это. Откуда-то очень издалека доносилась музыка: должно быть, предводителя дочь играла на рояле. Слабые, нежные звуки лились в вечернем тихом, темном воздухе, наводили грусть, рождали сладкие мечты.

Сначала мечты Передонова приняли эротическое направление. Он представлял барышень Рутиловых в самых соблазнительных положениях. Но чем дальше продолжалось ожидание, тем больше Передонов испытывал раздражение, — зачем заставляют его ждать. И музыка, едва задев его мертвенно-грубые чувства, умерла для него.

А вокруг спустилась ночь, тихая, шуршащая зловещими подходами и пошептами. И еще темнее казалось везде оттого, что Передонов стоял в пространстве, освещенном лампою в гостиной, свет от которой двумя полосами ложился на двор, расширяясь к соседскому забору, за которым виднелись темные бревенчатые стены. В глубине двора подозрительно темнели и шептались о чем-то деревья рутиловского сада. На улицах по мосткам где-то недалеко долго слышались чьи-то замедленные, тяжелые шаги. Передонов начал уже бояться, что, пока он тут стоит, на него нападут и ограбят, а то так и убьют. Он прижался к самой стене, в тень, чтобы его не видели, и робко ждал.

Но вот по освещенным полосам на дворе пробежали длинные тени, захлопали двери, послышались за дверью на крыльце голоса. Передонов оживился. «Идут!» — радостно подумал он, и приятные мечты о красотках-сестрицах опять лениво зашевелились в его голове, — паскудные детища его скудного воображения.

Сестры стояли в сенях. Рутилов вышел на двор к воротам и огляделся, не идет ли кто по улице.